

18+ Анатолий Шинкин

# *Всегда наготове*

Иронические рассказы



Анатолий Шинкин

**Всегда наготове.  
Иронические рассказы**

«Издательские решения»

**Шинкин А.**

Всегда наготове. Иронические рассказы / А. Шинкин —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745122-6

Как бы автор в своем как бы творчестве рассказывает о как бы жизни. В театре жизни у каждого свое амплуа: один драматизирует; другой в черных, трагедийных, мрачно насупясь, по жизни шагает; третьему повезло проскакать дистанцию легким клоуном, и даже его смерть вызывает у окружающих улыбку.

ISBN 978-5-44-745122-6

© Шинкин А.  
© Издательские решения

## Содержание

И всегда наготове	6
Живая натура	9
День летнего солнцестояния	13
Зависть черная дыра	18
Финишировать лучше самому	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Всегда наготове**  
**Иронические рассказы**  
**Анатолий Шинкин**

© Анатолий Шинкин, 2016

© Диана Осадчева, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## И всегда наготове

*Шутит судьба, и не понять за что  
Мимоходом*

*А в моей душе живет кот, раньше был мартовским  
Мимоходом*

*Каждый человек – вселенная, знание, свет и Бог... Смертный Бог –  
участник в эстафете Вечности  
Мимоходом*

– Только без баб. Чисто по-мужски: выпьем, поговорим и разбежимся. У меня сегодня банный день.

Колян Савицкий, еще не забывший «ридну мову», поначалу звал к себе «до хаты», а Вадик Лисовский, парнишка с Белорусского полесья, с пышной скобочкой «песнярских» усов, возражал, мол у него удобнее. Но мы с Воронежским парнем Серегой отстояли бильярдную, пустующую комнатенку при клубе, со столом, на котором сиротливо белели пяток шаров да захватанный, порыжевший от времени кий.

– И очень удобно, – убеждающим тоном объяснял Серега, раскладывая по столу водку-закуску: три поллитровки, банку тушенки и буханку белого хлеба. – Мужской праздник раз в году, и женщинам на нем места нет.

У меня свой мотив не ходить в гости к Вадиму и Коляну. Лет пять тому в нашей общей холостяцко-общаговской молодости их нынешние жены Ленка Маленькая и Ленка Рыжая все-ррез собирались увидеть во мне супруга, и даже сейчас одаривали порой томными взглядами, но для меня семья и дружба – строгие понятия, и я честно стараюсь забыть наши веселые чувственные кувыркания и проделки.

– За Армию, за Флот, за Державу! За нас, ребята! Я на атомной ходил, – поднял стакан Серега, выпил, налил и передал эстафету Коляну.

– Шоб не последняя. Мотопехота, сержант, – стакан ушел к Вадику.

– И за наших партизан. Авиация, моторист.

– За вас, ребята. Связь, повар.

– А связистов, за что кормить? Пусть радио слушают, – сдохмил Колян. – Посуду не задерживай.

По случаю наступающего праздника бригада отработала только до обеда, а потом мастер поздравил всех с Днем Советской Армии и Военно-Морского флота, и отправил готовиться к торжественному собранию и следующему за ним концерту.

Выпили по второй, закурили. Только середина дня, и времени – вагон. Заговорили о своей армейской юности, и как-то быстро перекатились на всегдашнюю тему о роли трех славянских республик в мировой истории вообще и Советского союза в частности.

Колян «рвал рубаху на груди», рассказывая, как богата Украина полезными ископаемыми:

– А я тебе кажу, золото на Украине есть.

Вадик, перегнувшись через стол, размахивал у Серегоного лица кулаком:

– Учти, из всех славянских народов Белорусы самые миролюбивые.

Серега, следя глазами за мощным аргументом, спешил согласиться.

В нашей стройбригаде ребята большие и крепкие. Меньше метра восьмидесяти и нет, только Серега ростом не вышел, да он и не числится формально в бригаде. Работает на башен-

ном кране, обслуживает наши объекты – двух-трехэтажные дома, которые мы собираем, как семечки шелкаем, – быстро и качественно.

У меня к Сереге сложное отношение. Года три назад закрутился сногшибательный двух-месячный секс-марафон с Надей Молдаванкой, приставку к имени девушка получила по принципу похожести, но каких кровей в ней было намешано и сама перечислить не могла: молдаване, русские, татары, ... а в результате получилось такое замечательное чудо: четко очерченные губы, припухшие по контуру, молочно-белая кожа, под густыми ресницами желто-зеленые глаза с коричневыми крапинками на радужках – по шесть штук. При небольшом росте высокая грудь и длинные стройные ноги.

Наши отношения, язык не поворачивается назвать их романом, проходили бурно и стремительно. В двух словах, – мы хотели. Полное единство тел. Мы друг друга хотели вечером, ночью, утром и в обеденный перерыв; на улице, в комнате, в рабочей бытовке, в общаговском коридоре и на танцплощадке. Если возможности для секса не было совсем, мы держались за руки и тонули в глазах друг друга.

Как-то умудрялась она оставаться незаметной среди шумных языкастых подруг – малярок и штукатуриш. Я обратил на нее внимание через год после ее приезда в поселок: случайно пригласил на медленный танец. Тогда все и началось.

Взял за талию, она положила руки мне на грудь, сразу перенесла и обхватила за шею, прижалась, задышала прерывисто в плечо, и стало жарко в холодном зале. Не дотанцевав, двинулись, не расцепляя руки, к выходу. За бортом воспоминаний остались сто метров пути до общаги. А в комнате начали целоваться. Губы обволакивали не только рот, но, кажется, все тело до самых пяток, и, мы, боясь потерять и потеряться, притягивали и прижимали друг друга и мешали себе раздеться. Наверное, о чем-то говорили, но, скорее всего, нет. Ее имя я узнал дня через три, из случайно услышанного разговора.

А потом срочная и долгая командировка на другой конец страны, сессия, плавно перешедшая в отпуск. В поселок я вернулся только через полгода, когда Надя Молдаванка уже была женой Сереги кранового и, как говорится, готовилась стать матерью. Кстати, с Надей мы так серьезно сексуально «оторвались», что уже в командировке заметил полное отсутствие влечения к прекрасному полу. Не вернулось либидо и на сессии, зато резко подросли учебные показатели, не только мои, но и всей нашей на девяносто процентов девчачьей группы.

В отпуск к родителям явился душевно опустошенным и, в переживаниях о своей мужской состоятельности, отдался пьянству. Сознание и жизнь вернулись в тот момент, когда «вспахивал сексуальную ниву» на Верке Тракторе.

Верку местные парни прозвали Трактором за неостановимый сексуальный напор и физическую мощь. Верке хронически не хватало секса, и она просто втаскивала на себя приглянувшегося парня или мужичка, не стесняясь и кулачком крепеньким приложить, если у партнера не находилось достаточно сил и желания удовлетворить немеренные потребности. Впрочем, сильный пол особых претензий не высказывал: фигура у Верки – супер и лицом не дурнушка.

Воспользовалась Верка пьяной отключкой, а у меня и рот до ушей – в порядке инструмент. Покувыркались недельку. Родители мои, уговаривая сынищу покинуть Севера, обещали машину подарить, но, узнав, с кем провожу ночи, быстренько взяли билет до Тюмени, собрали сумку и сунули полусонного досыпать в плацкартном вагоне.

– О чем размечтался? – Серега толкнул в руку стаканом с водкой.

– Нет, я пас. Банный день – это серьезно, а пойло уже кончается

– Успеешь еще, – заплетающимся голосом попытался убедить Вадик. – Сейчас еще сгоняем.

– Магазин закрыт – предпраздничный день.

– Вин с пид земли достанет, – гордо проинформировал Колян.

– Нет. Всех с наступающим праздником.

После бани тридцатиградусный мороз уже не воспринимался, хмель улетучился. Я бодро взбежал по деревянным ступенькам крыльца, открыл дверь и столкнулся с Наденькой.

– Я к подругам хотела зайти, пока мой спит. Увидела тебя в окне и решила подождать.

Три года не слышанный голос прозвучал в ушах музыкой: густой, глубокий, теплый; век бы слушал.

– А я это, ... из бани.

– Вижу. Может, пригласишь зайти? Посмотрю, что у тебя изменилось?

Как будто что-то действительно может измениться в общаге. Изменилось; время остановилось напрочь и колыхалось в неясной осязаемой неотчетливой полудреме. Взял ее правое запястье, продвинул пальцы, поглаживая теплую кожу под рукавом шубы, и молча смотрел в глаза. Те же коричневые точки на зеленой радужке – по шесть на каждой.

Как прежде, не расцепляя рук, прошли в комнату. Помог снять шубу.

– Чаю хочешь?

Надя улыбнулась, засмеялась, а следом и я захохотал. Трудно было выдумать более глупый вопрос: в прежних отношениях не хватало времени ни на чай, ни на обеды, даже на разговоры. Только однажды пришло в голову устроить подруге «романтический вечер». Достал за тройную цену (сухой закон) бутылку водки, разогрел полную сковороду гречневой каши с тушенкой, нарезал свежего хлеба. Кашу и хлеб успели съесть утром, перед работой, а водка так и простояла. За час до отъезда в командировку выпили с Серегой крановым, будущим Надиным мужем. Вот ведь судьба.

Смеялись, раздевая друг друга, легли, прижались плотно телами, сердцами, душами, в мареве неподвижного времени. Надя погладила плечо, я перевернулся на спину, помог ей лечь сверху, задвигались плавно, не отрываясь смотрели в глаза. Надя приподнималась и отдалялась, и я, тревожась, потянулся руками вслед, по бедрам, животу, тронул и сжал пальцами груди, коснулся сосков. Надя вскрикнула, вытянулась и с плачем рухнула на меня.

Целуя мокрое лицо, подвинулся к краю кровати. Надя перевернулась на спину, потянула меня за плечи. Задвигались в совместном страстном танце, все убыстряя темп. Надя опустила веки, подвыла утробно и сжала зубами мое левое плечо, остро процарапала ногтями бока. Боль смешалась с наслаждением, и мы дружно и глубоко задышали в полной усталости.

– Хочешь? – протянул Наде сигарету.

– Я не курю, – она встала и начала одеваться. – Все. Пора. Мой, наверное, уже проспался. А я вдруг сообразил, что это действительно «все» и вскочил с кровати.

– Надя, я тебя три года ждал...

– И был наготове? – она смотрела на меня и смеялась.

Глянул на себя, да, не мешало бы одеться, и тоже засмеялся. Вот такое веселое прощанье.

Утром разбудил стук в дверь и, прежде моего разрешения, ввалились Колян, Вадик и Серега. Гордо выставили на стол две бутылки.

– Поднимайся, солдат. Родина призывает опохмелиться.

Пока приводил себя в порядок, стгоношили закусь, выпили и заспорили вновь о величии своей славянской республики перед другими славянскими республиками.

– Нет, но почему Белоруссия Белая, Россия Великая, а Украина всего лишь Малая? – горячился Колян. – Да мы, если хочешь знать, весь Союз кормим.

Ребят не переслушать. Я из татар, и для меня великодержавные межславянские разборки исторически по барабану.

## Живая натура

*Вот и надо двигать на рынок лучшее, что у нас есть*  
**Мимоходом**

*Юмор мудреца с грустью о несбывшемся...  
или сбывшемся не так*  
**Мимоходом**

Леночка радостно взглянула на рисунок, перевела взгляд на оригинал и прикусила губу. Ее «смелый, точный, карандаш», как характеризовали ее манеру письма преподаватели художественной школы, в очередной раз давал сбой. Оригиналы теперь смотрел не прямо на пол, а под небольшим углом.

Упорная девочка, украшение курса и надежда Школы Искусств, стерла рисунок и в шестой раз принялась набрасывать пенис натурщика.

Абсолютно голый Петрович в позе готовящегося метнуть снаряд дискобола изо всех сил напрягал соответствующие мышцы рук, ног и корпуса. В натурщики он попал по протекции. «Поднявшемуся» на ниве ЖКХ другу детства позарез понадобилось устроить в комнатенке, которую Петрович снимал у него, магазин. Выросший при Советской власти Игорь Сергеевич еще не растерял НЗ совести и человечности, и стеснялся выбросить бомжевать на улицу товарища по детским играм. Вызвал в офис и обрисовал ситуацию:

– У меня есть знакомая творческая дура, красивая женщина, замечательная художница и добрейшей души человек. Ей нужен завхоз, сантехник, электрик, плотник, сторож и дворник. Все в одном лице и на полставки, плюс комната при Школе Искусств, как они это называют, – Игорь Сергеевич весело блеснул лысиной. – Твои вещи уже перевезли.

Петрович грустно усмехнулся:

– Черт бы вас побрал, – буркнул вместо благодарности и вышел.

По обычаю увлеченных работой людей, директриса Школы Искусств Изольда Леонидовна, сорокалетняя фигуристая брюнетка, задерживалась допоздна, проверяя работы учеников, составляя планы уроков или работая с документацией. Но однажды перегорела лампочка, и теплый кабинет с портретами художников прошлого на стенах сразу стал неудобным, зябким и жутковатым. В кромешной темноте ожили классики фламандской школы и начали переругиваться с русскими передвижниками, а потом дружно и громко осудили модернистов, кубистов и прочих новаторов. Пабло Пикассо, почему-то по-русски, лениво, снисходительно, небрежно-презрительно отругивался, не выбирая выражения. Изольда Леонидовна в панике схватилась за телефон:

– Петрович, немедленно вкрутите мне новую лампочку.

Разбуженный звонком Петрович машинально взял из ящика стоваттную лампочку и в тапочках и семейных трусах, зевая и покачиваясь, пошлепал по длинному коридору.

– Сейчас все будет, – успокоил от двери.

Свободно ориентируясь в темноте, взобрался на стол, втащил за собой стул и, утвердившись на нем, дотянулся, вывернул сгоревшую и ввернул новую лампочку. Вспыхнул свет.

– О-о-о! – в ужасе показывая пальцем, завизжала Изольда Леонидовна. Над ней на двухметровой высоте реяли семейные трусы и все мужское «хозяйство» Петровича.

– Ну че? Ну че? – бормотал в недоумении Петрович, спускаясь с пьедестала. – Свет горит. Работайте. – И неторопливо зашлепал к своей комнате.

Двойное потрясение заставило Изольду Леонидовну отвлечься от рисунков учеников и задуматься. Наметанный взгляд художника и в перепуганном состоянии, с восхищением

отметил рельефную сухую мускулатуру сорокапятилетнего Петровича, без миллиметра жировой прослойки, которая никак не могла появиться при редких, беспорядочных, во многом случайных приемах пищи. А школе срочно: вчера, сегодня, завтра и всегда, как воздух, как голодному кусок хлеба, как сухим полям вода, как Амурским тиграм защита Гринписа, требовалась живая мужская натура.

Жизнь Петровича стала налаживаться. Полная ставка, четыре тысячи рублей, по мнению правительства, достаточна и избыточна, чтобы сделать счастливым любого из россиян. Теперь Петрович занимался хозяйственными работами после полудня, а с утра до обеда «стоял в позе», работал «нуде моделью». Дословно, «голый образец», изображая отпускающего тетиву лучника, рубящего саблей всадника, финиширующего бегуна; мужчину, напрягшего мышечные и душевные силы для достижения результата. Юные художницы, вертлявые смешливые болтушки из хороших семей, старательно пытались передать «движение и напряжение».

– Остановить мгновение и показать, как оно прекрасно, – недостаточно, – убеждающе вещала Изольда Леонидовна. – Покажите, как оно продолжается и обещает стать еще ярче.

Особенно нравилась Петровичу поза Роденовского «Мыслителя». Подперев кулаком подбородок, переносился Петрович в свое недавно благополучное и начисто разрушенное рыночными отношениями прошлое. Работяга по жизни после сокращения с завода еще пытался некоторое время трепыхаться, разыскивая работу и зарплату, но сначала покинула дом и затерялась в столицах дочь, следом укатил на Севера сын. Супруга нашла себя и свое новое счастье в торговых рядах, стала средним классом, и, наконец, объявила Петровичу, что он разведен и свободен, без права на жилплощадь. Спасибо, Игорь Сергеевич, друг детства, не дал пропасть. В этом месте Петрович, скрипнув зубами, отчетливо выговаривал: «Блин!», но голос заглушал звонок с урока, и Петрович шел курить.

Позировал Петрович, привыкший к скромности и чуждый новаторству, всегда в трусах. И только под давлением Изольды Леонидовны, сменил свои «семейники» на купленное директрисой белоснежное «нечто», с запАхом и серебристой пуговицей на ширинке. Тем не менее, Изольда Леонидовна не оставляла попыток представить Петровича ученицам в одежде античных героев. Горячо убеждала в красоте и гармоничности человеческого тела вообще и крепкого жилистого мышечного скелета Петровича в частности, популярно указывала на неполноценность и незавершенность картин, в которых отсутствует образ напряжения станových мышц нижней поясничной области, малого таза и бедер. Исчерпав аргументы, директриса достала из сейфа бутылку водки и «набулькала» почти половину фужера.

Петрович «сломался» и стал дискоболом-метателем.

– Обратите внимание, – Изольда Леонидовна победно оглядела класс, – как отчетливо проявилась мускулюс глутеус: верхняя ягодичная мышца. – Кончиком указки она обрисовала поглаживающим движением на теле Петровича нужный участок. – В момент наибольшей концентрации тело и разум объединяются для мощного броска. Мозг расслабляет, отключает, почти прекращает подачу крови в органы и ткани, не участвующие в совершаемом действии.

Кончик указки задел пенис натурщика, и пребывающий в состоянии легкого опьянения мозг Петровича не смог сосредоточиться и перенаправить весь ток крови в мускулюс глутеус. Часть ее, спровоцированная кончиком указки, перетекла в пенис, и тот потихоньку начал набухать и выпрямляться, обретая силу и размеры фаллоса. Хихикающие ученицы, не доверяя собственному мастерству художников, торопливо достали мобильные телефоны.

– Подняться до высот модернизма и сюрреализма, – радостно разливалась Изольда Леонидовна.

Как бы отвечая на ее сентенцию, пенис Петровича, нет, теперь уже фаллос, выпрямился во весь рост, поднялся над реальностью, снисходительно осмотрел пожирающую его глазами девчоночью аудиторию, усмехнулся и остановил взгляд на зрелых округлостях преподавателя.

Леночка, едва не до слез уязвленная собственным неумением «ухватить» ускользающую натуру продолжала раз за разом стирать и набрасывать вновь разбухающий и выпрямляющийся предмет. Увы, всякий раз получалась только застывшая форма, действительная только в короткий промежуток времени. Сама того не ведая, девочка подходила к открытию в искусстве живописи.

Изольда Леонидовна, заметив, как изменился вектор внимания аудитории, обернулась за взглядами учениц и, с трудом сохраняя самообладание, попыталась взять ситуацию под контроль.

– Для художника не может быть скрытых или смешных частей тела, – продолжая говорить, она развернула стоящее на подиуме кресло к доске и, взяв за руку, усадила в него Петровича. – Весь человек, включая интимные части и потаенные уголки души, является частью искусства. Леночка, немедленно в туалет. Намочите салфетки холодной водой и принесите. Урок не закончен. Рисуем по памяти, особо обращая внимание на крутизну абриса мускулюс глутеус...

Класс, разочарованно вздыхая, принялся рисовать по памяти мускулюс глутеус. Вспотевшая от волнения Изольда Леонидовна бережно обкладывала фаллос Петровича, который в полный рост вовсе не выглядел «смешным», холодными мокрыми салфетками. Салфетки тут же нагревались и высыхали. Леночка челноком металась между классом и туалетом. Петрович, укутанный клубами водяного пара, не выдержал:

– Больше мне делать нечего, как салфетки вам сушить. Блин!

Неприличное слово заглушил звонок с урока и разрядил неловкую ситуацию.

Изольда Леонидовна смолоду не была дурнушкой, а к сорока расцвела совершенно. Нестандартный учебный день принес волнение, возбуждение; на щеках директрисы разлился акварельный румянец, и Петрович, строгим голосом в телефоне приглашенный «на ковер», лишь растерянно перебирал ногами, не в силах отвести глаза от притягивающей красоты.

– Вы, хотя бы понимаете, что сорвали занятия, нарушили поурочный план? – Изольда Леонидовна, пытаясь быть строгой, повышала голос. – Учебная программа и процесс подготовки молодых художников-новаторов поставили своим безответственным поведением, – она машинально схватила со стола указку, пропустила ее сквозь кулак сверху донизу и закончила, – на грань срыва. Чему вы улыбаетесь?

– Радуюсь, что сейчас не тридцать седьмой, – Петрович взялся левой рукой за пояс брюк, а правой потянул застежку «молнии». – После таких обвинений меня бы уже к вечеру расстреляли...

Леночка вышла из студии, обернулась на пороге и сильно запустила стирашкой в античную гипсовую голову. Не порадовавшись точному попаданию, понуро побрела по коридору. Сверхурочные занятия, когда она бесконечно рисовала и стирала нарисованное, снова убедили ее в безнадежности попыток «ухватить» движение.

Размышляя о собственной бездарности, Леночка, шла по коридору и вдруг осознала, что шагает в такт едва ощутимым толчкам, сопровождаемым стонами и хрипами. Подчиняясь девчоночьему любопытству, приоткрыла дверь директорского кабинета и застыла на пороге. Перед ней, поочередно напрягаясь, совершали вращательные и одновременно возвратно-поступательные движения до боли знакомые ягодицы Петровича, поверх его головы ритмично качались стройные ноги Изольды Леонидовны, а левая рука директрисы, свешиваясь с плеча натурщика, указкой отшлепывала такт по его правой мускулюс глутеус.

Карандаш стремительно летал по бумаге, но мышцы меняли форму и конфигурацию. Леночка поспешно потянулась за стирашкой и фыркнула с досадой: резинка осталась в студии. Девочка торопливо перевернула лист, затем второй, третий... Изрисовав набросками альбом, тихо прикрыла дверь и радостная помчалась домой.

Ленусис Иванова с картиной «Вечное напряжение» стала знаменитой. Тридцать шесть набросков, расположенные на одном полотне по кругу, создавали иллюзию бесконечного движения. Картину через интернет купил некий «прожженный» российский меценат, а через полгода полотно с Сотбис «ушло» за сто тысяч американских денег.

В масс-медиа развернулись словесные баталии. Западные СМИ запестрели статьями об экспансии Русской культуры и ее негативном влиянии на европейские и американские нравственные ценности, моральные принципы и традиционные устои.

Россияне отлаивались штампами о вывозе за бесценок самобытных шедевров западными дельцами.

Относительно трезвый голос прозвучал из интернета. Дословно: «Эта задница красочно показала все тончайшие изменения выражений человеческого лица???? в момент наивысшего душевного подъема».

И это правда. Зритель в первый момент разглядывания художественного полотна ощущал сильнейшее сексуальное возбуждение, к которому постепенно добавлялись тревога за незапертую дверь, не выключенный утюг, открытый кран; примешивалось желание стать депутатом Госдумы, космонавтом, писателем и публиковать свои творения на популярном литературном сайте. Много всяких чувств вызывала картина.

Петровича пригласили участвовать в телепередачах: «Человек года», «Он сделал себя сам» и других. Слава не испортила чистую живую душу Петровича. Он по-прежнему сторожит Школу Искусств, чинит водопровод и пробивает канализацию, вкручивает лампочки; регулярно, упорядоченно и не случайно «жарит»... впрочем, – это личное. С утра до обеда работает натурщиком, и всегда готов за рюмку беленькой показать задницу всем Российским художникам, а за стаканчик виски – и зарубежным. Блин!

## День летнего солнцестояния

*Через своих героев выглядываемся в себя. Практической пользы не ждем, но занятие интересное*  
*Милоходом*

В половине первого ночи солнце скрывалось за горизонтом, начинался вечер. Вечер, минуя ночь, превращался в утро, и уже через час яркие лучи, облив золотом верхушки сосен, быстро опускались к земле и наполняли поселок горячей удушающей влажностью.

Поселковые собаки в поисках прохлады перетасили свои мохнатые тушки в тень домов и остались лежать, вывалив вздрагивающие в частом дыхании языки, с которых капала на песок горячая слюна.

К восьми утра не выспавшиеся жители потащились на работу.

Комаров, господствующих ночью, сменила мошка, а солнце еще приподнялось и добавило жару.

– Вот, примерно так и выглядит пекло, – радостно прокричал Сашка Серегин, которого чаще называли Серегой Сашкиным.

Первый день после отпуска. Он двумя руками через голову стянул оранжевый накомарник, заткнул за пояс брюк и вошел в прорабскую.

– Здорово, Михалыч. Откуда такая тишина?

– В отпуске все, – сказал прораб и зевнул с подвывом. – С выходом тебя. На весь участок – я да Любанька, на кране сидит, книжку читает. Теперь еще и ты.

– Типа, и работы мне нет, – Сашка достал пузырек с ДЭТой, антикомариной жидкостью, широкими взмахами начал натирать свои мускулы: бицепсы и трицепсы.

– Работа есть всегда, – хотел строго, но в конце снова зевнулось, и Михалыч замотал головой. – Чертов июнь. Чертовы белые ночи. Не поверишь, есть придурки, которые ездят на Севера смотреть белые ночи. Спать невозможно.

Сашка засмеялся и привалился мощным плечом к дверному косяку:

– А на Большой земле сейчас рай: тихие вечера и теплые темные ночи. И море секса. Так что делать?

– Не думаю, что Валюшка дала тебе в отпуске развернуться, гигант секса, – прораб поднялся из-за стола и подошел к окну. – Что делать? Вечный неразрешимый вопрос... – начал было Михалыч философскую тему, но произвольная зевота снова потянула сладкой судорогой тело. – Там свайное поле. Надо сбить оголовники свай и открыть арматуру до отметки. Хочешь кувалдой, нет, компрессор включи. Высоту я отчертил. Двести штук тебе на неделю хватит, а там ребята из отпусков подтягиваться начнут. Иди уже, не мешай работать. – Рот прораба снова широко растянула зевота, поверх языка мелькнуло дно желудка, и Михалыч обессилено рухнул в кресло.

Сашка, посмеиваясь, зашагал длинными ногами к бригадному вагончику. Проходя мимо башенного крана, задрал голову вверх:

– Любаня, привет!

Любка-крановщица, в меру полноватая, улыбчивая, приподняла переднее стекло кабинки:

– Сашок, здравствуй. Я тебе нужна?

– А как же? Человек всегда кому-нибудь нужен, а такая красotka, просто жизненно необходима.

– Скажешь тоже, – засияла улыбками Любка. – Когда мошка достанет, поднимайся ко мне. Сюда кровососы не долетают.

– Вот только осмотрюсь.

Сваи, забытые на месте строительства двенадцатиквартирного дома, действительно были очерчены на одном уровне меловой чертой, что добавило настроения. Крепкий парень Сашка не любил возиться с разметками и прочими мелкими и точными работами. Предпочитал с плеча кувалдой, ломом, лопатой, топором размахнуть.

Посмотрел на компрессор, пнул ногой отбойный молоток, – не хочется утреннюю тишину треском двигателя нарушать. Цепко ухватил длинную рукоять кувалды. Задача простая: ударами кувалды обнажить пруты арматуры на уровне отметки, отрезать их газорезкой, а потом сбить лишний бетон, подготовить сваю для установки на нее арматуры ростверка (фундамента).

Сашка остановился около первой сваи. Мелькнула мысль о наблюдающей с крана Любке: «Пусть полюбуется, как мужики работают». Привычно поднял кувалду, дал железу свободно падать, ускорил корпусом и локтями, кистевым движением на выдохе придав хлесткость. Осколки бетона стрельнули вперед, по ходу движения инструмента. «Вот так!» – шаг вперед, и следующий удар.

Любка забыла о книжке, смотрела заворожено, как перекачиваются бугры мышц по загорелой коже, взлетают, разгибаясь на всю длину, крепкие руки. Сашка не делал лишних движений, шел ровным темпом пушечных ударов, и Любка, непроизвольно поддаваясь настойчивому ритму, покраснела и заволновалась.

– И за каким хреном я держу здесь бригаду?

Сашка в ответ дал железу кувалды по свае опуститься на землю, выпустил из рук черенок:

– Что-то не так, Михалыч?

– Все так. Время десять, а ты все рекорды уже перехлестнул. Разгоню к едреней матери бригаду, оставлю одного тебя, быстрее дело пойдет.

– И заметь, – Сашка поднял кувалду и, продолжая говорить, нанес очередной удар. – Я только разогреваюсь. Мой крейсерский темп раза в полтора выше. – Он добил очередную сваю и шагнул к последней. – А в конце работы я включаю форсаж, и любому, кто захочет со мной соревноваться, вставляю толстый и длинный, многократно перекрученный фитиль.

С последним ударом опустил кувалду и, придерживая рукоять, выпрямился. Рядом, слегка подавшись вперед, стояла и странно неподвижно смотрела Любка.

– А Михалыч где? – растерялся Сашка.

– В прорабской, – Любанин голос сорвался с ноты, и закончила она почти шепотом. – Минут пять, как ушел.

– А я ему речугу толкаю...

Любка стояла близко, и теперь еще придвинулась. Сашка, пытаясь выпрямиться, оступился и невольно обхватил ее за полноватую талию.

– У тебя пыль на плечах, – сначала пальцами, а потом ладонями Любка начала гладить Сашкины плечи и грудь.

Сашка выпустил кувалду и, не зная, куда деть левую руку, провел пальцем, собрал росинки пота над верхней Любаниной губой и, крепко взяв под мышкой, притянул женщину к себе. Неподвижно постояли и, не отпуская рук, пошли к бригадному вагончику.

Стаскивая с себя обтягивающие джинсы, Любка суетливо пыталась целовать Сашкин живот. Сашка тянул с нее зацепившуюся за трехразмерную грудь белую майку-безрукавку и пытался прочесть надпись английскими буквами: «N», «O» – нет! Значит, с другой стороны должно быть «ES».

Ласкающими движениями опустил руки на Любкины бедра, легко приподняв, вынул женщину из спутавших ноги американских штанов и бережно усадил на край стола. Мелькнули ошалевшие Любкины глаза и искомая надпись на майке «ES».

– Что и требовалось доказать, – потянул вверх края майки, позвал ласково, – Любаша.

Женщина подняла руки, и майка уже не мешала прижаться к горячему Сашкиному телу. Сжимались в объятиях на краю стола, и обоим хотелось еще ближе, сливались телами друг в друге.

– Не спеши, – шепнула Любаня, а могла и не говорить. Сашка сам чувствовал и хотел длить до бесконечности минуты блаженного соединения.

– Я, между прочим, жена и мать, – отталкивая Сашкины руки, Любаня пыталась натянуть на себя джинсы, ее груди при этом широко раскачивались, и Сашка старался поймать их ртом. Не выдержав сладкой пытки, прижалась плотно. – Одиннадцать. Сейчас Михалыч придет работу проверять.

Торопливо оделись, намазались антикомарином и вышли на воздух. Сашка закурил, начал не спеша разматывать шланги газорезки. Краем глаза отметил открывающуюся дверь прорабской и спускающегося по ступеням Михалыча.

Пока прораб преодолевал под палящими лучами двухсотметровое расстояние, Сашка проверил давление в баллонах, продул шланги, зажег «розочку» и сделал первый рез.

– Сегодня дорежешь? – на Михалыча жалко было смотреть. Теперь он уже не зевал, а жадно глотал ртом и носом воздух, который в северной природе и в добрые времена дефицит, а в июньском пекле просто растворяется и теряется в зное.

– Не суетись, Михалыч. Все тип-топ будет. Езжай смело на обед.

– А ты?

– У меня с собой. Еще и прикорну минут несколько.

Сегодня ладилось все. Перерезав арматуру на трех сваях, Сашка перестал думать о работе. Пальцы сами открывали и закрывали нужный вентиль, раскаленная солнцем арматура мгновенно прогрелась и выгорала в кислородной струе. Сашка думал... ни о чем. Он двигался от сваи к свае, подтягивал за собой шланги, и хотел, чтобы свайное поле было бесконечным, чтобы день не кончился никогда, и, чтобы Любаня, чей взгляд он чувствовал спиной, позвала его обедать.

Они ели из нержавеющей мисок легкой летний супчик. Не отрываясь, радостно смотрели друг другу в глаза и, перебивая, взахлеб говорили о детях: Сашка – о своей трехлетней Светке, оставшейся с матерью на Большой земле, Любка – о первокласснике Федоре, и двухлетней красавице Дашке.

Сашка курил, свободно развалившись на скамье, опираясь спиной в стену. Любка, ощущая следящие за ней глаза, неторопливо собрала посуду, постояла, как бы в задумчивости, и посмотрела на Сашку.

Загорелое лицо от полудневого пребывания на солнцепеке еще почернело и теперь почти сливалось с темной стеной вагончика, зато глаза, в обычные дни светло-серые, сейчас, напитанные солнцем, светились, излучали голубые лучи.

Любка подошла, присела рядом. Прижалась, сначала, осторожно, потом – плотнее, просунула руку под накомарник, погладила пальцами живот, потеревала волоски, поискала и придавила едва выступающий сосок.

– Извергиня, зачем мучаешь меня, – попробовал шутить Сашка, хотя волна возбуждения уже прошла по телу. – Я живой человек.

– А чем докажешь?

«Доказательство человечности» заняло все оставшееся обеденное время, и любовники перебрались обсыхать на улицу, в тень вагончика.

– Ты меня в могилу загонишь, – Михалыч возник из ниоткуда и сразу присел, тяжело отдыхаясь, на ящик с гвоздями. – Конец моему спокойствию. Завтра позову сварных, рост-верк монтировать, а ты начинай щиты для опалубки колотить.

– Задачу понял, задачу решим, – Сашка ответил с ленивой растяжкой, но уже стрельнул глазами в сторону штабеля обрезной доски, прикидывая, с чего начать, и где оборудовать рабочее место.

– Эй, не гони, – забеспокоился Михалыч. – Время терпит. Работай с передыхом. Не закончишь сегодня, закончишь завтра. Главный закон строителей.

Сашка начал сбивать оголовники свай. Первый просто раздробил – долго. Притащил из вагончика стальной клин-зубило. Наживил тремя ударами, еще четырьмя отколол целиком верхушку сваи. Пошел по ряду, оставляя позади обрубленные сваи с торчащими на десять сантиметров четырьмя арматурными прутьями – то, что надо.

После десятка сбитых свай работа пошла «на автомате», и в голове закрутились, проявились истомным теплом воспоминания о Любаниных нежных руках. Прохладной судорогой прошло по телу возбуждение. Сашка неосторожно глянул вверх, увидел Любанину улыбку... и понял, что возбуждение начинает мешать работе:

– Скоро и кувалда будет не нужна, – пробормотал сам себе. – Просто ходи и сбивай оголовники по два за раз: один кувалдой, а второй, чем бог наградил.

Упрямо попытался работать, но, ощутив бесполезность сопротивления, полез на кран. Любка распахнула дверцу кабины, жадно протянула навстречу руки. Завозились, шепча и целуясь в тесноте, поминутно спотыкаясь о кресло машиниста.

– Устала эти чертовы джинсы стягивать-натягивать, – тихо засмеялась Любка. – Сказал бы сразу, чтоб не надевала пока.

– А кто знал, что тебя с каждым разом больше хочется, – Сашка снова боролся с майкой. – Ты ее задом наперед надела. «Ес» впереди было.

Он все более ускорялся, постепенно поднимаясь с кресла. Любка, все ниже опускаясь лицом на лежащие на приборном щитке руки, с прерывистым всхлипом вдыхала короткими рывками воздух. Сашка выпрямился, вытянулся во весь рост, Любаниа с громким стоном выдохнула, а кран дернулся и пришел в движение.

– Нажми «стоп». Красная кнопка, – расслабленно прошептала Любка, и вскочила вдруг, зашарила руками в панике. – Мы в конец едем, а там упоров нет.

Ткнула пальцем в кнопку. Кран остановился. Любка осторожно выглянула в окно, и повернулась побелевшим лицом:

– Два метра до конца рельсов не доехали, – Любка прижала к груди вздрагивающие руки. – Надо обратно скорей. – Нажала всей ладонью и отдернула руку.

Кран вздрогнул и снова двинулся вперед.

– О-о-о! – Любка заорала.

Сашка через ее руку ткнул в большую ляпуху красной кнопки, покрутил пальцем над панелью, нашел и нажал нужную. Кран пошел в обратную сторону.

Любка, всхлипывая, опустилась на брошенные на пол джинсы:

– Мы чуть не опрокинулись.

– Угу, – Сашка поднял свалившуюся с панели книжку, прочитал название, и брови удивленно взлетели вверх. – Тебе Достоевский в школе не надоел, Сонюшка ты моя Мармеладова?

– Не Сонюшка, а Любаша, – Любка улыбнулась сквозь слезы. – Я и не читала его в школе. – И добавила без связи. – Сижу тут голая.

– Не оправдывайся, – Сашка потянул ее, поднимая с пола за руки. – Я уже осудил твоё преступление, и наказание последует незамедлительно. Помнится, «ес» на майке было сзади.

Он выпрямился, и Любка сама повернулась и наклонилась, легко шевельнувшись, помогла войти. Задвигались, постепенно убыстряясь, в слаженном опьяняющем танце. Сашка наклонился вперед, дотянулся до груди, перебирая пальцами, нашупал соски, обвел их пальцами, и оргазм, объединяющий, сливающий, сладкий, пришел к ним, как ожидаемый подарок.

Оставшиеся сваи доколачивали вместе. На крюки крана подвесили полутонный блок. Сашка несколькими ударами закреплял клин, и размахнув блок, бил торцом в клин. Оголовники слетали один за другим. Любанька восторженным криком встречала каждый удачный удар, и аккуратно передвигала блок к следующей свае.

К пяти закончили работу. Любка вышла из кабины крана и с лестницы замахала рукой, заулыбалась. Сашка улыбнулся, хотел махнуть рукой в ответ, но сообразил вдруг, что Любаня машет кому-то за его спиной. Оглянулся и помрачнел. Около бригадного вагончика стоял самосвал, а через лобовое стекло светился улыбкой Ленька, Любкин муж.

На стыке вечера и утра небо затянулось облаками и начался долгожданный дождь. Вода сыпалась неостановимой моросью, и поселковые собаки не спешили укрыться. Бегали и кружили по улицам, выгоняя из тела накопленный за две недели жар. Посветлели лица людей – выпалились.

Сашка, изредка поглядывая на кабину крана, сколачивал щиты опалубки: настилал три доски и соединял их поперечинами. С маху одним ударом вгонял стомиллиметровые гвозди. Любаня не появлялась. Не выдержав, пошел в прорабскую.

– Михалыч, где Любаня?

– Ты что с Луны свалился? – прораб передвинул очки на кончик носа. – Где-где? На легком труде. Пять месяцев. Теперь в конторе книжку читает.

– А как же я?... – растерялся Сашка. – В смысле, кто щиты растаскивать будет?

– Через три дня Женька выйдет, – успокоил Михалыч. – Ну, а пока собственными силами. Как говорится, легко взяли, быстро понесли.

## Зависть черная дыра

*«Черный квадрат» Малевича – это средоточие зависти,  
потому и привлекает».*

*Милоходом*

*Грош цена мудрости, которая не умеет прикинуться глупостью*

*Милоходом*

Колька, лохматый высокий парняга, картинно изогнувшись над ватманом двадцать четвертого формата, по памяти рисовал копию «Черного квадрата» Малевича, а Витька, «сокамерник» по общаге, сидел и привычно свирепо завидовал, оттого что Картина, совершенно ему, кстати сказать, ненужная, будет висеть в спальне девчат, а не над его кроватью.

Колька с тоской встряхнул баночку с краской: ее катастрофически не хватало закрасить половину квадратного метра в локальный цвет

– А мне можешь такую нарисовать? – подался вперед Витька. – А я краску достану.

– Я не рисую копий со своих копий, но, если достанешь краску и бутылку, могу нарисовать оригинал – черный шести-, нет, зеленый восьмиугольник.

– А почему им квадрат, а мне восьми, как его?

– Восмиугольник. Хлопчик ты многогранный, угловатый и зеленый. За краской идешь?

– Не, я тоже черный – мужского цвета, – Витька выкатил из-под кровати трехкилограммовую банку печного лака. – Как знал, прихватил в котельной.

– Тогда беги за пузырем и поскорей возвращайся: будешь натурщиком и Музой в написании бессмертного полотна.

Витька покраснел от удовольствия:

– Бессмертного – это круто.

– И вечного. Гигантски увеличенная детская пирамидка становится Седьмым Чудом Света и Вечной памятью Хеопсу. Гипертрофированная клякса станет Портретом Твоей Зависти и произведением искусства, а оно принадлежит народу. Ты народ?

– Ясный хрен!

– Заметано! Печной лак хорошо держится на бумаге, а зависть – вечная тема.

– А я завидую? – спросил Витька, натягивая куртку. – Угу. – разоткровенничался вдруг. – Я всем завидую и хочу, как у них.

– Зависть как стимул к достижению, хотя нет, к обладанию. Витя, я работаю уже два часа, сегодня суббота, а у меня ни в одном глазу. Отложим обсуждение вечных тем на... Ты идешь или продолжишь нарушать график развлечений субботнего дня?

– Тебе я тоже завидую: хочу научиться говорить красиво, чтоб любую телку уболтать.

– Витя, потом с ней еще и спать нужно, а у меня принцип: переспал – женись.

– Заливай! Ты же не женат.

– Только потому, Витя, что не могу с ними красивыми уснуть.

– Прикалываешься... Запомню и перед девчонками потом понтанусь.

– Иди уже. Можно и запомнить чужой юмор, но лучше создавать свой, а для этого, как говорится в известном фильме: «Книжки надо читать... научные».

Колька задумчиво посмотрел на закрывшуюся за Витькой обшарпанную дверь, перевел взгляд на картину:

– Верх, низ, лево, право. Как тут Малевич ориентировался? Сохни, живопись.

Перебросил лист на свою кровать и, достав из тубуса свежий, расстелил, придавив стаканом и пол-литровой банкой с солью. Быстро набросал карандашом восьмиугольник, но тормознул и потянулся за сигаретами:

– А паренек-то у нас не простой.

Колька вспомнил, как год назад пришел в бригаду Витька, рыжий косноязычный деревенский недотыка.

– Витя, будем стоять или как?

– Да, не знай, чо делать та.

В комплексной строительной бригаде каждый и стропаль, и монтажник, и каменщик, и плотник. Деревенская привычка постоянно быть в работе, хваткие мозги, крепкие руки и простецкий юмор, когда смеялись не над анекдотом, а над рассказчиком, быстро сделали Витьку своим в бригаде. Недотыка быстро наливался опытом, а глаза его посматривали из-под плохо расчесанной челки очень не глупо.

Вскоре открылся и «пунктик» – цель приезда на Крайний Север:

– Мы у себя по Телятникову в кирзачах, в телогрейках, «Беломор—Приму» курим. Один председатель прикинут по-черному: шляпа, костюмчик, галстук; вылезает из «Волги», «Золотое руно» с фильтром в зубах. Сволочь. Сдохну, а на машину накоплю и по Телятникову, мимо сельсовета в костюме и в шляпе проеду.

– А галстук?

– И в галстук!

Как не крутись, а пунктик выглядел позицией, которой Колька как художник пренебречь не мог, и решительно потянулся за стирашкой. Так сяк прикинул и провел длинную черту наискось по листу, стер и заменил волнистой:

– Завидовать – это не прямо, завидовать – это криво!

За дверью приблизились шаги, и в комнату зашел Витек.

– Легок на помине, – Колька присмотрелся к его лицу и решительно провел две прямые от верхнего края волнистой. – Витя, суетись, работай, стол накрывай. Картина не должна выглядеть статичной, искусство должно быть живым. Хлеб, если тараканы не съели, порежь. Сколько взял?

– Две, чтоб потом не бегать.

– Умный человек, уважаю. И, надень каску для полноты картины.

– Угу. Щас!

– Только на пять минут: мне нужен штришок. Доминанту в тебе я уже определил, но ведь ты хочешь похожести?

Витькино лицо расплылось и поглупело. Сняв с гвоздя, покорно надвинул на лоб строительную каску и враждебно уставился на Кольку. Тот торопливо вел черту вниз, остановился, поправил на Витькиной голове каску и добавил к прямой пару сантиметров:

– Все, снимай.

С каской была своя история. По деревенской привычке тащил Витька со стройки все, что на глаза попадалось, превращая потихоньку общаговскую комнату в склад стройматериалов:

– А чо? Будет квартира – пригодиться.

Однажды во время затянувшегося из-за отсутствия раствора перекура, когда большая часть бригады резалась в «дурака», Витька сидел у печки, крутил в руках каску и сосредоточенно о чем-то раздумывал.

– О чем задумался, детина? – спросил Колька.

– Да вот, не пойму: на кой хрен мне эта каска дома нужна?

На другой день Колька обнаружил каску в комнате на гвоздике, рассказал в бригаде, и шуточкам теперь не было конца.

Витька, тем временем, приспособив вместо стола табурет, открыл и вывалил ножом на сковородку две банки «каша с мясом», гречневую и рисовую, поставил сковороду на плитку и налил по полстакана водки:

– Давай, пока разогревается.

– Ну. За тебя. В Телятникове, полагаю, ты был не из последних.

Выпили и закусили хлебом.

– Можно и так сказать. На тракторе. Тому вспахать, этому привезти – все ко мне. Хоть каждый день пьяный ходи.

– Деньгами брал бы.

– Откуда деньги в деревне? Деньги у городских.

– Стоп! – Колька торопливо схватил карандаш и провел наискось вниз еще одну прямую. – Ты не тормози, ты наливавай. Так что с городскими?

– Дрались все время. Они к нам и на картошку и на уборку, и так отдыхать.

– А кто победил?

– Врать не буду. По-разному. Зло берет: и одеты, и деньги у них, все дела. Девки наши тоже к ним. Обидно.

– Обидно или завидно? Это важно, Витя, – Колька перешел на Вы. – В Телятникове, выступая в качестве доминирующего самца прайда, Вы охраняли свои владения и своих самок, но, завидуя городским, Вы захотели, фигурально выражаясь, влезть на их территорию. Не омрачай чело раздумьем. Просто выскажись о наболевшем.

Витька сосредоточенно скреб ложкой дно сковороды, отдирая пригоревшую кашу:

– Шляпу я с первой полочки купил, костюм пришлось ждать, пока ОРСовские с большой земли привезут – доедим, покажу. Машина года через три, в лучшем случае. Книги, когда девчонки без тебя приходят, я говорю «мои», а квартиру получаю – куплю.

– И читать начнешь?

– Ну, не сразу. Сначала куплю.

Витька встал и вытащил из фанерного шкафа со спецовкой тщательно упакованный в целлофан темно-серый в тонкую серебристую полоску костюм—пару.

– Примерь, сто лет не видел человека в костюме.

– Рубашки нет. Не подумал.

– Сорочка, Витя. Только сорочка: с таким костюмом слово «рубашка» придется забыть. А вот о друзьях, которые всегда выручат и бескорыстно порадуются твоему преображению... Ты наливаешь?

Колька выкатил из угла чемодан, расстегнул молнию и бросил на Витькину кровать голубоватую в строгую диагональную серую полосу сорочку и бордовый галстук – все в упаковке.

– Оцени!

– Это сколько с меня?

– Это, Витя, от души. Носи и процветай.

Витька переоделся и предстал. Ступая, как голыми ногами по битому стеклу, прошел по комнате, осторожно подтянув брюки, неловко, боком присел на кровать, взял стакан. Колька курил, сидя напротив и рассматривая друга.

– Чо, плохо?

– Априори, нет! Скажу больше: В Телятникове, в Саранске и на станции Рузаевка ты вне конкуренции, твой председатель – деревенщина и неудачник, случайно напяливший чужую одежду. Открой и встань.

Колька сунул ему в руки огромный том «Русской грамматики», а сам торопливо дорисовал последнюю черту карандашом, и кистью стал закрашивать получившийся рисунок.

Нечто, напоминающее громадное ухо; с одной стороны ограниченное волнистой, с другой – ломаной линиями.

– Зависть черная и черная, как ночь. Зависть ставит в положение зависимого. Зависеть от своих желаний, от вредных привычек, от своего эго, от честолюбия, от желания иметь, обладать. У вас, Витя, мощное обаяние от природы, и Ваша зависть не вызывает отторжения, скорее, легкую ироничную улыбку. Но! Зависть плохое чувство, так как заставляет не любить, ненавидеть, злиться, охаивать, злословить, ломать, уничтожать, принижать предмет зависти. Хотя! Зависть хорошее чувство, так как устанавливает планку роста, указывает непокоренную вершину, показывает цель, ставит задачу. Я угадываю в Вашей зависти позитив, назову ее «белая» – это черная, но без злости. Ты что-то сказал?

– Сказал? Хочу дать тебе в морду. Ты чо на меня катишь?

Колька растеряно опустил кисточку и, усаживаясь перед табуретом, протянул руку воротник на costume поправить:

– Ни сном, ни духом. У тебя крыша съехала?

– Не съехала, а въехала!!!

Витька промахнулся по челюсти, попал в плечо, но сбил Кольку с кровати, в руках у Кольки остался лоскут материи, от нагрудного кармана костюма и вниз. Витька глянул на испорченный костюм, взвыл и бросился добивать. Колька отбросил его ногами на спинку кровати, через которую Витька кувыркнулся вниз головой на пол. Колька дал другу подняться, обманул правой и зацепил крюком слева. У Витьки ноги разъехались, но устоял. Подышал глубоко и вернулся к кровати.

Выпили молча, не глядя друг на друга, закурили.

– Иди, работу принимай. Зависть всех оттенков: от «чернее ночи» до «черной, но не очень»

– Ты опять?

– Молчу, молчу.

– В принцип-дело годится. Потом в Телятниково заберу, а костюм придется новый покупать.

– Допьем и к девчатам – «Черный квадрат» отнести. Надень мою новую «энцефалитку», если хочешь. С «болотниками» будешь настоящий мачо.

## **Финишировать лучше самому**

*Дорог, ведущих к выходу из нравственного тупика проложили  
столько, что уже вытоптали все поле*

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.